

2556
16

Фашистская „проба пера“.

Рис. Бор. Ефимова

ПРИВЕТСТВИЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЛЕНИНАБАДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА тов. АВЕЗОВОЙ

Дорогая товарищ Авезова!

Нет слов, чтобы выразить чувство глубокого восхищения, которое испытывает коллектив Крокодила при мысли о вас. Не имея высокого удовольствия быть лично с вами знакомыми, мы не можем представить ваш образ во всем его пленительном обаянии. Смешно сказать, мы не знаем, как вы выглядите, даже какого вы роста, не говоря уже о вашем стаже партийной и советской работы. Одна черта вашего характера все же ясно осязается нами несмотря на тысячи километров, отделяющих нас от города Ленинабада. Эта черта — непоколебимая и нежная привязанность к сору, накапливающемуся на вашем административном пути. Сейчас, когда под влиянием известных обстоятельств, многие «без лести преданные» работники неожиданно для себя и своего начальства начали оное очертя голову критиковать, сколь приятно нам, крокодильцам, отметить вас, товарищ Авезова, как некий символ верности до конца своей скромной и опасной традиции!

Мы попробовали, дорогой товарищ Авезова, поставить себя на ваше место в тот момент, когда вы не так давно прибыли вместе со своим заместителем Трифионовым на железнодорожную станцию Сталинабад для вступления во владение долгожданной новенькой автомашины «М-1», прибывшей в адрес горсовета.

Мы попробовали, дорогой товарищ Авезова, представить себе, как вы, глядя на блестящую, лакированную машину, предвкушали все удобства, которые она с собой несла. И вот вдруг на платформу вскакивает секретарь городского комитета партии тов. Вильчинский. Лик его ужасен, движения быстры, он прекрасен. Он весь как божия гроза. Быстренько он вместе со своим шофером снимает с платформы машину и укатывает на ней в город. Мы попробовали поставить себя в ваше положение и с некоторым даже содроганием подумали, каких бы мы делов наделали, если бы тов. Вильчинский увел нашу машину.

Будем справедливы, товарищ Авезова. Вильчинский вернул эту машину через шесть дней. Правда, не по своей воле, а после категорической телеграммы ЦК коммунистической партии Таджикистана. Вполне возможно, что вы в борьбе за эту машину проявили в местном масштабе немалую храбрость и дрались как левиза. Но вот «М-1» у вас в гараже, и вы плавно катите в ней по весенним улицам Ленинабада, и вновь ваша душа полна всепрощения и тихой гордости.

И в такой вот момент вы вдруг получаете из редакции Крокодила телеграмму, которая поражает вас своим холодным бессердечием:

«В редакцию поступила корреспонденция, что секретарь горкома партии Вильчинский захватил легковую машину, принадлежавшую горсовету тчк. Просим подтвердить материал тчк».

В вашей душе началась сложная борьба. Четыре дня вы не могли решить, что лучше: подтвердить постыдный факт угона машины Вильчинским или лучше обмануть редакцию журнала? И вы решили лучше скрыть правду от редакции и представить дело так, как будто ничего и не было. Не может быть, чтобы вы не знали, что правду не так-то легко скрыть. Но вы решили лечь костями, но сора из избы не выносить.

В рядящих рядах безропотных администраторов, тонких ценителей и любителей тишины и спокойствия во что бы то ни стало вы, товарищ Авезова, блистаете как яркая звезда первой величины. Что мы и фиксируем с восторгом на страницах нашего журнала.

С уважением, которого вы заслуживаете,

КРОКОДИЛ.

Рис. Л. Сойфертиса

— Что я слышал, сэр! Вы получили пощечину?
— Не знаю. У меня еще нет об этом никакой официальной информации.

К ВОПРОСУ О ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Место действия: партийное собрание, на котором происходят выборы парткома.

6 часов вечера. Дым коромыслом! Речи самые жаркие, какие только можно представить. Еще бы: обсуждаются кандидатуры в список. Какой-то в'едливый дядя через каждые десять минут выкрикивает: «О себе скажи!» или «А ты что смотрел?» Другой неизвестно почему задает каждому кандидату один и тот же вопрос: «Что делал в 1912 году?»

Иван Сергеевич Груздев сидит удивительно милый и нежный, ласково улыбаясь. Весь президиум курит его дорогие папиросы. Сотрудники смотрят на директора с замешательством: «Что с ним случилось? Куда девался его грозный начальственный голос и суровая складка на лбу?»

7 часов вечера. Самокритика развернулась не на шутку. Вот и Иван Сергеевич встает и тихим, умиротворенным голосом рассказывает о себе и своих ошибках. Только и слышно: «Тут я проявил идиотскую болезнь—беспечность», «с большевистской решимостью признаю», «я оторвался от масс», «я недоучел», «я переучел», «я недопонял»...

В'едливый дядя подает реплику: «О себе скажи». Иван Сергеевич покорно расплывается в улыбку: «Правильное замечание, товарищ». Из противоположного угла возникает известный уже собранию вопрос: «Что делал в 1912 году?» Иван Сергеевич отвечает на него с исчерпывающей любезностью.

9 часов вечера. Иван Сергеевич попадает в список (не без труда, не без труда!). Перед голосованием объявили перерыв.

Какое тут вдруг возникает оживление! Иван Сергеевич достает из кармана новую пачку «Люкс» Иван Сергеевич сквернейшим, но крайне бодрим тенором запекает популярную песню. Его пылко поддерживают бас заместителя и баритон управляющего делами. Иван Сергеевич обнимает за белую талию коменданта и нежно заглядывает ему в глаза. «Как твои дела, Степан? Трудисься? Организуешь строгую охрану?» «Ничего, товарищ начальник,— отвечает польщенный комендант.— С охраной все обстоит благополучно, только я не Степан, а Петр». «Фу-ты, как же это я забыл!»— ругает себя Иван Сергеевич.

Иван Сергеевич подмигивает зачем-то секретарю парткома, хлопает по плечу молодого инженера, с которым никогда до этого не здоровался, и кидается на грудь бухгалтеру.

12 часов ночи. Счетная комиссия объявляет результаты тайного голосования. Увы! Иван Сергеевича не избрали.

Папиросы Ивана Сергеевича спрятаны глубоко в карман. Суровая складка снова пересекает высокий лоб. Когда недогадливый комендант фамильярно подсаживается к директору, директор спешит отодвинуться.

1 час ночи. Что же это такое?! Что мы видим? Иван Сергеевич опять тянется к коменданту, прикасается рукой к его плечу, извлекает коробку «Люкс» и говорит: «Закуривай, товарищ Семен». «Извиняюсь, Петром меня зовут»,— отвечает тот, но папиросу, однако, не выпускает. «Память стала стариковская»,— дружески жалуется Иван Сергеевич.

Заметим, что эта новая метаморфоза предшествует выборам на партийную конференцию.

3 часа ночи. Увы, и на конференцию не избрали Ивана Сергеевича. Лицо его кажется теперь мрачнее грозовой тучи. «Вот он, наш прежний Иван Сергеевич!»—говорят работники треста Главведро, хорошо знающие своего начальника.

4 часа утра. Утомленное собрание, наконец-то, расходится. Иван Сергеевич удаляется в кабинет отдохнуть после пережитых треволнений. Вскоре из его кабинета доносится привычный властный голос: «Позвать ко мне коменданта!» Комендант протискивается в дверь и осторожно закрывает ее за собой. В коридоре явственно слышны ядовитые замечания по адресу коменданта: «распушенность», «хаос», «беспорядок», «бесконтрольность»...

Через пять минут комендант, красный как рак, выходит из кабинета.

— Ну, что? — спрашивают его.

— Ругается,—отвечает тот,—вошел в форму.

* * *

Выражаем робкую надежду, что наши скромные наблюдения явятся некоторым вкладом в науку о поведении человека.

Н. КРЭН

НЕПРАВЛЕНАЯ СТЕНОГРАММА

В редакцию прислана стенограмма производственного совещания одной столовой. К сожалению, при пересылке потерялось сопроводительное письмо, в котором указывались наименование и адрес этого пищевого предприятия.

Печатаю эту стенограмму, мы просим читателей, знающих данную столовую, сообщить нам, где она находится.

Директор столовой. Товарищи, разрешите считать наше производственное совещание открытым. Слово имеет повар супов товарищ Гамов. Говори, Степан Евдокимович.

Повар супов. Что ж говорить? На сегодняшний день мы готовим два супа: борщ и консомэ. Но в общем мы в любой день можем перейти на один суп. Тем более, когда капуста идет без свеклы, то мы уже фактически даем один суп. На консомэ пускаем те же щи, только процеженные...

Кассирша (с места). Хорошо процеженные?

Повар супов. Зачем же — хорошо? Конечно, капуста проходит. Но как же мы можем отказаться от доедупия и перейти, так сказать, на одну похлебку, когда вторые блюда ведут себя настолько нахально, что доходят до 3—4 блюд в каждом меню. Куда это годится?

Повар вторых блюд (с места). Ты прекрасно знаешь, Степан Евдокимович, что это — только на карточке. А спроси — больше 2 блюд и не бывает!

Повар супов. Не знаю... не знаю... Я тоже мог бы ставить разные мармитон суази или порционные селянки. Однако мы, супщики, этого не делаем. Почему? Потому что мы желаем воспитывать потребителя, но не развращать его. Да-с! Да-с!

Директор. Максим Прохорович, давай ты!

Повар вторых блюд. Товарищи, мне больно и обидно, что мой товарищ по плите Степан Евдокимович позволяет себе обвинить меня — и в чем? — в желании угодить обедающим у нас гражданам. Товарищи, да, действительно, сегодня еще я принужден ставить в меню 4, даже 5 блюд. Так что же я это для своего удовольствия делаю? Сегодня едок у нас еще неприученный. Если он останется один на один с битками, он сбе-

жит. А что делаю я? Я пишу в меню 5 блюд, а готовим мы только два: битки и, скажем, кашу. Если едок спрашивает те, несуществующие блюда, подавальщица спокойно говорит: «Это блюдо уже все. Раскупили». Едок тогда думает, что виноват он, что он опоздал, и завтра опять приходит к нам. Кроме того я должен прямо сказать, что на меня оказывают давление салаты и вообще холодная продажа в буфете. Пока будет буфет и будут салаты...

Буфетчик (с места). Да сколько я торгую-то! Смешно говорить!..

Повар вторых блюд. Хоть сорок копеек... Все равно едок знает: не понравится ему горячее, спросит холодное в буфете. Плюс салаты. Так нельзя, товарищи. Это я заявлю со всей ответственностью.

Директор. Александр Харитонович, будешь говорить?

Повар салатов. Два слова, пожалуй, скажу... Товарищи, вот тут Максим Прохорович бросил мне страшное обвинение: будто бы я своими салатами выручаю едока и отвожу его от горячих блюд. Это — очень страшное обвинение, товарищи. Вот я хотел бы спросить у вас, товарищи: за последнее время кто-нибудь из вас ел мои салаты?

Голоса с мест. Нет, не ели... Что вы!.. Разве мыслимо?

Повар салатов. Ну вот видите. Степан Евдокимович ставит себе в заслугу, что он может перейти на один суп. А я, если хотите знать, уже давно перешел на один салат. Под каким заглавием вы его ни едите, салат у меня один. Это же факт, товарищи.

Повар супов. А зачем заглавий несколько?

Повар салатов. Степан Евдокимович, нельзя же так... Ведь и вы называете: если больше капусты — щи; меньше капусты — бульон... Другое дело — самый факт: в карточке есть салат, и это угрожает биткам. Тут уж нужно подумать, как быть. Может быть, совсем упразднить салаты. Может, перенести их в гарнир...

Повар вторых блюд. Еще чего!

Повар салатов. Я не настаиваю, конечно... Я толь-

ко говорю, что надо что-то сделать... Вот все, что я хотел сказать...

Буфетчик. Петр Владимирович, мне по личному вопросу...

Директор. Говори, Дусеубцев.

Буфетчик. Тут Максим Прохорович жаловался на буфет. Буфет будто торгует... А вы знаете, сколько буфет торгует в день? Девять рублей это уж — вот... (проводит себе рукою по горлу). Да и когда мне торговать? То я принимаю товар — значит, от стойки просто гоноу всех... То я посуду сдаю... То покуришь выйдешь... То сдачи нет... Я ведь торгую только в крайних случаях...

Голоса подавальщиц с мест. Правильно! Верно! Он ничего не торгует!..

Буфетчик. А товар у меня опять же весь лежалый. Таким товаром никого не прельстишь... Это прямо надо сказать. Вот!..

Директор. Еще кто желает? Агриппина Тимофеевна?..

Подавальщица. Да. Можно —?.. Товарищи, все мы знаем, что наша столовая идет к биткам как к основной базе всего меню. Уже сегодня битки — это главная еда. Но наши битки, товарищи, требуют перевооружения. Наша сегодняшняя вилка — я уже не говорю о ложке — не выдерживает этого битка. И ножик не выдерживает. Вилка от нашего битка завивается, как, я бы сказала, виноградные усики. И ножик завивается. Тут надо что-нибудь одно: или битки помягче или вилки потверже...

Голоса. Конечно, вилки! Вилки надо крепче...

Директор. Я в своем заключительном слове скажу о вилках. Еще кто будет говорить?

1-я подавальщица. Можно — мне?.. Хорошо поварам говорить, что они скоро приведут к одному блюду... А мы, подавальщицы, на себе все выносим. Вот на той шестидневке один едок как на меня кричал... Еле-еле втроем с Дусей и с Катей вот мы его переругали. «Безобразия, — кричит, — я час жду, никто не подходит...»

Повар салатов. При чем же тут повара?

1-я подавальщица. Ох, да это я про другой раз ста-

ла рассказывать... А то тоже один говорит: столовая открывается в два часа, сейчас без пяти два, а вы говорите, что шницели — все и беф-строганов — весь. Кто же его взял?

Директор. Ну, а вы что?

1-я подавальщица. Я туда, сюда... Даже сама предлагаю: может, вам жалобную книгу принести.

Повар вторых блюд. А он что?

1-я подавальщица. Нет, говорит, несите беф-строганов... Ну я подозвала Дусю, Катю...

Повар супов. Перекричали?

2-я и 3-я подавальщицы. Мы да не перекричим!..

Директор. Давайте к порядку... Кто еще хочет?.. Тогда позвольте мне... Да, товарищи, перед нами стоит большая задача — приучить потребителя к нашему меню. Не идти ему навстречу, не угождать его вкусом, а ввести его в русло единого жесткого меню. Битки? Да, товарищи. Битки и суп. И будьте любезны примениться. Скажу больше: сейчас мы разрабатываем единое блюдо, включающее в себя и первое и второе. Что это за блюдо? Теперь уже не секрет. Это, товарищи, суп с фрикадельками. Фрикадельки в сущности те же битки, а суп — тот же бульон. И тут ответ на ваш вопрос, Агриппина Тимофеевна, как быть с вилками. Вилки у нас скоро совсем отпадут!

2-я подавальщица. А хлеб?

Директор. Хлеб пока еще останется. Но вот горчичу мы, несомненно, ликвидируем. Несомненно. О салатах говорить, конечно, не приходится. Салаты у нас доживают последние дни. Александра Харитоновича мы перебросим на другую работу, а салаты ликвидируем.

Буфетчик. А буфет?

Директор. И буфет скоро кончится. Вот, товарищи, какая работа нам предстоит, и я надеюсь, что в этой работе я могу рассчитывать на полную вашу поддержку...

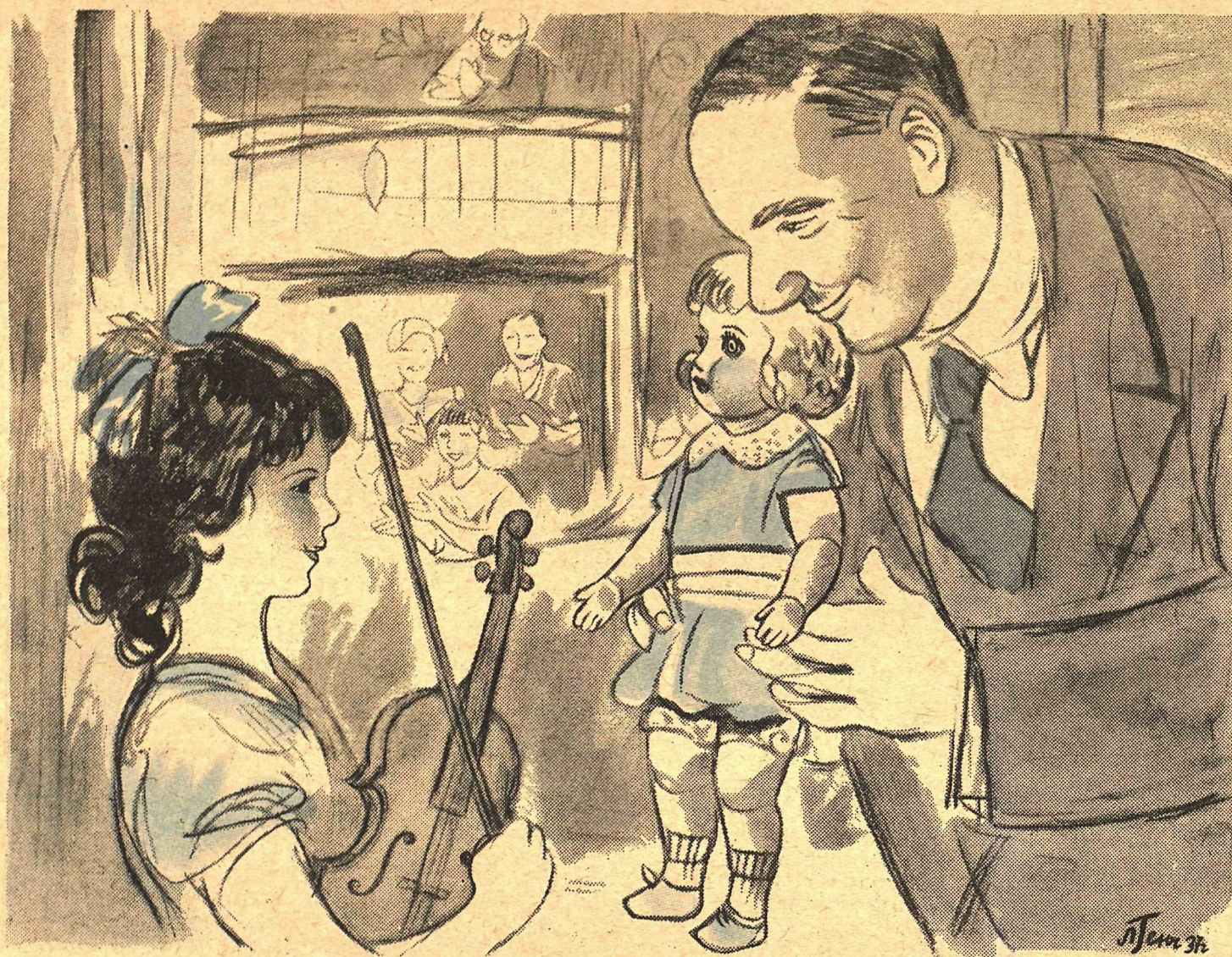
Голоса. Ну, конечно!.. Еще бы!.. Мы с вами!..

Директор. Разрешите закрыть наше совещание...

В. АРДОВ

Кровавые псы мирового фашизма.

Зрелому мастеру от благодарной публики.

КОШКА

Когда подали котлеты, глава дома, сотрудник Локотков, накладывая себе на тарелку макароны, весело сказал:

— Котлеты прибыли! Привет тебе, о кот-лета! Бобка, отгадай, что такое: мое первое с хвостом, мое второе — жаркое время года в родительном падеже, все вместе — надоевшее блюдо?.. Да, кстати, о хвостах. Где наша Рыська?

Бобка, сын Локоткова, солидный третьеклассник, перестал жевать и сообщил:

— Я был на дворе, видел: она сидела на крыше и ужасно зевала. Мне один мальчик на дворе сказал, что у нее брачный период. Папа, что такое брачный период?

Переглянувшись с женой Марией Александровной, сотрудник Локотков сердито прикрикнул на сына:

— Все тебе надо знать! Задаешь глупые вопросы, а у самого неуд по арифметике.

— Я не виноват, что она ко мне придирается.

— Кто к тебе, дураку, придирается? Рыська?

— Не Рыська, а Анна Иванна, которая по арифметике.

— А ну тебя, — махнул рукой Локотков-старший и, обращаясь к жене, сказал:

— Со мной сегодня интересный случай произошел, Манечка. Я немного задержался в учреждении, вышел один. Смотрю: следом за мной выходит и садится в машину наш Кушацкий. Увидел меня и вдруг очень любезно говорит: «Вам куда, товарищ Локотков?» Я отвечаю: «На Арбат, товарищ Кушацкий». А он говорит: «Садитесь, я вас подвезу». Это он после актива таким демократом заделался. Раньше, бывало,

проходит мимо и не замечает. А сейчас — со всеми за ручку. Наднях одну уборщицу перепугал до смерти. Встретил ее в темном коридоре и тянет руку, а она ничего не понимает и до того растерялась, что взяла и вытерла ему с перепугу руку половой тряпкой. Да, так вот сел я, значит, в машину с Кушацким, и мы поехали. Очень мило разговаривали. Он мне — вопрос, а я ему — ответ... Потом он, Манечка, пожаловался, что его одолели мыши, и я... вдруг совершенно неожиданно для самого себя пообещал доставить ему нашу Рыську на гастроли. Впрочем, Манечка, я ему обещал ее, кажется, совсем подарить. Он был очень тронут... Теперь вот не знаю: нести или не нести?

— Раз обещал — надо нести, — кисло сказала Мария Александровна, жена сотрудника.

— А это не будет подхалимством?

— Если никто не узнает, тогда не будет.

— А если узнают?

— Тогда будет.

Локотков-старший нервно смял салфетку.

— Чорт меня дернул ляпнуть ему про кошку! Непроизвольно как-то выскочило. Не изжили мы еще старорежимной привычки угождать вышестоящим товарищам. Придется отнести этому лысому чорту Рыську, иначе он бог знает, что может подумать.

— А если его снимут? — вдруг, тревожно прищурившись, спросила Мария Александровна.

— То есть, как «снимут»?

— Очень просто, как снимают. С опубликованием в печати. Снимут его — и тогда уж обязательно дознаются, чья у него кошка. И такую тебе ижицу пропишут!..

— Ты думаешь пропишут? За кошку?

— За нее. Ведь это же — типичное подхалимство — дарить начальству полезных домашних животных.

— По-твоему, выходит, что начальству можно дарить только гиен и тигров.

— Хоть слонов! — отрезала Мария Александровна, — но только не кошек. Кошка — типичное подхалимство. У нее даже спина такая, угодливая.

— Не думаю, чтобы его сняли, — задумчиво сказал Локотков-отец, — он крепко сидит. Как гранитный утес. Ей-богу, Манечка, отдам я ему Рыську. Это для нас будет очень и очень полезно. Ну-ка, Бобка, побеги, поймай Рыську.

— Не стану я Рыську ловить! — покраснев, выкрикнул Локотков-младший, тревожно слушавший разговор родителей. — Ишь, какие вы ловкие! Рыська моя, это я из нее кошку сделал.

— Как ты смеешь так разговаривать, негодяй!

— Конечно, я сделал. Она вон каким котеночком была, когда я ее принес. Я ее кормил, поил и выкормил.

— Мы тебе другую кошку достанем. Иди, иди, Бобочка, будь умным мальчиком.

Когда послушный Бобка, утирая кулаком слезы, ушел, сотрудник Локотков сказал жене с фальшивой бодростью в голосе:

— Ты знаешь, я даже рад, что мы избавимся от этой хвостатой Мессалины. Она возбуждает в мальчике нездоровую любознательность.

Через полчаса Локотков-старший уже стоял в очереди на автобус. В руках он держал корзинку, обшитую старым платком с дырочками для пропуска воздуха. В корзинке нервно ворочалась и орала бедная Рыська. Уши Локоткова-старшего горели, скулы тоже были красные. Ему было очень неловко.

Домой вернулся он под вечер мрачный и недовольный.

— Отвез? — спросила Мария Александровна.

— Отвез! По дороге два раза штрафовали и один раз приглашали в автобус милиционера. Публика решила, что я похититель детей. Эта тварь верещала в корзинке как младенец.

— Кушацкий-то что тебе сказал?

— Ничего не сказал. Он спал. Я отдал Рыську домработнице... Между прочим, она нагадила у них в передней...

Пять дней в семье Локотковых про Рыську не вспоминали. А на шестой Локотков пришел домой зеленый от каких-то тягостных переживаний, отвел жену Марию Александровну в уголок и сказал:

— Манечка, у меня неприятности.

— Неужели из-за кошки?

— Из-за нее! Она заразил Кушацкого и все его семейство паршой. Он ходит весь забинтованный, вымазанный какой-то мазью и плохо пахнет.

— Какой ужас!

— Кушацкий мне сказал: «Спасибо вам за подарочек, Локотков. Долго буду помнить». Так и сказал: «Долго буду помнить». Худо мне, Маня.

— Куда же он дел Рыську?

— Выгнал к чорту. Как последнюю собаку. Припомнит мне Кушацкий Рыську, ох, припомнит!

А еще через две декады по учреждению, где трудился Локотков, пронесся слух, что Кушацкого снимают за политические ошибки плюс бытовое разложение.

Локотков был сам не свой.

Было созвано общее собрание. Ораторы стали рассказывать про Кушацкого всякие нехорошие, но правдивые истории. Локотков сидел в заднем ряду бледный, с горящими, как тогда, когда вез в автобусе Рыську, ушами.

«Сейчас скажут про кошку. Что же делать, что?» — мучительно соображал сотрудник и вдруг решил и попросил слова:

— Товарищи, — сказал Локотков, дрожа от страха, — я тоже хочу рассказать про товарища, то есть про гражданина Кушацкого. Я имею один, как говорится, факт. Такой факт, что я буквально весь дрожу от негодования. Скажу прямо, что Кушацкий еще и гнусный вымогатель, товарищи. Да, вымогатель. Пользуясь своим положением, он отобрал у меня, у маленького человека, любимую кошку — утеху семьи. А потом, товарищи, он с неясной для меня целью распустил слух, что якобы моя кошка заразил его паршой. Это гнусная ложь, товарищи! Моя кошка на сегодняшний день наша, — здоровая кошка. У меня есть справки от управдома. Вы, гражданин Кушацкий, наверное, сами заразили мою кошку паршой?!

Сказав все это, сотрудник Локотков вышел в коридор покурить. Курил он долго: никак не мог успокоиться после своей речи.

Когда он вернулся в зал, на ораторской трибуне стоял сотрудник Уколов.

— ...изжить это гнусное подхалимство! — закончил свою речь Уколов.

Ему стали аплодировать, и Локотков тоже слегка похлопал в ладоши. Но тут же почувствовал, что сделал лишнее и что вообще произошло нечто очень скверное. Он тихо сел рядом с машинисткой Верочкой, но Верочка быстро отодвинулась и посмотрела на него так, что Локотков, поерзав на стуле, встал и быстро пересел к бухгалтеру Петру Степановичу. Но и Петр Степанович с такой же гадливостью отодвинулся от Локоткова. Тогда Локотков, поеживаясь, опустив глаза, быстро-быстро перебежал наискосок комнату и, не глядя, плюхнулся на первый попавшийся стул.

А когда он поднял глаза, то увидел, что сидит рядом с Кушацким, и услышал смех в зале, от которого ему стало холодно и тоскливо.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

КАКАЯ НУЖНА КРИТИКА

Не все читатели Крокодила осведомлены насчет материалов, помещенных в газете «Труд» от 8 мая этого года. Этот номер вышел в разгар VI пленума ВЦСПС.

Прения, развернувшиеся на пленуме, как фактическим материалом, приведенным в выступлениях, так и самым характером ряда выступлений раскрывают картину застоя профсоюзной работы, отрыва руководящих профорганов от масс, политической беспечности и слепоты, отставания профессиональных организаций от жизни, от могучего размаха социалистического строительства.

Исходя из этих бесспорных соображений, Крокодил в номере 12 поместил рисунок, изображавший вывеску совета профессиональных союзов, на которой висит наклейка: «Требуются хорошие работники».

И вот в номере от 8 мая газета «Труд» поместила заметку под дидактическим заголовком: «Не такая нужна критика». Как и все члены профсоюзов, крокодилы всегда с интересом ждут от газеты «Труд» установки по вопросу о том, какая нам нужна критика. Мы с жадностью принялись за чтение этой за-

метки и прочитали в ней: «Нельзя пройти мимо выступления «Крокодила», поместившего в № 12 рисунок «Сезонное», представляющий собой неуместный и недопустимый пасквиль на советские профессиональные союзы. Подобные обывательские упражнения являются по меньшей мере опозланием самокритики».

Почему сатирический намек на то, что в профессиональных союзах не все благополучно по части кадров, представляет для редакции «Труда» «пасквиль на советские профессиональные союзы», — не трудно понять.

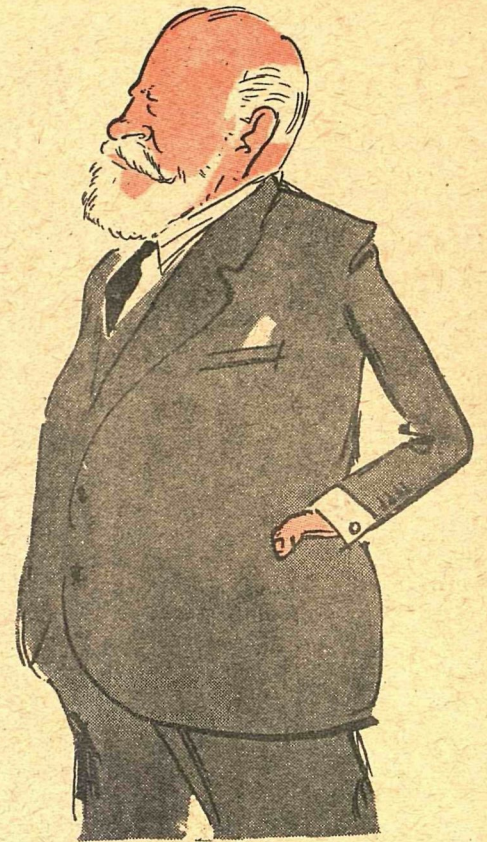
В этом проявилось слабое развертывание самокритики в профсоюзах, сказала еще далеко еще не изжитая тенденция отсидеться в своем профсоюзном углу от свежего ветра самокритики.

Далекие от того, чтобы пользоваться литературным материалом без указания источников, мы доводим до сведения наших читателей, что второй и предпоследний абзацы нашего вынужденного ответа взяты нами целиком из передовой статьи газеты «Труд», помещенной в том же номере, от 8 мая, под заглавием «Некоторые выводы».

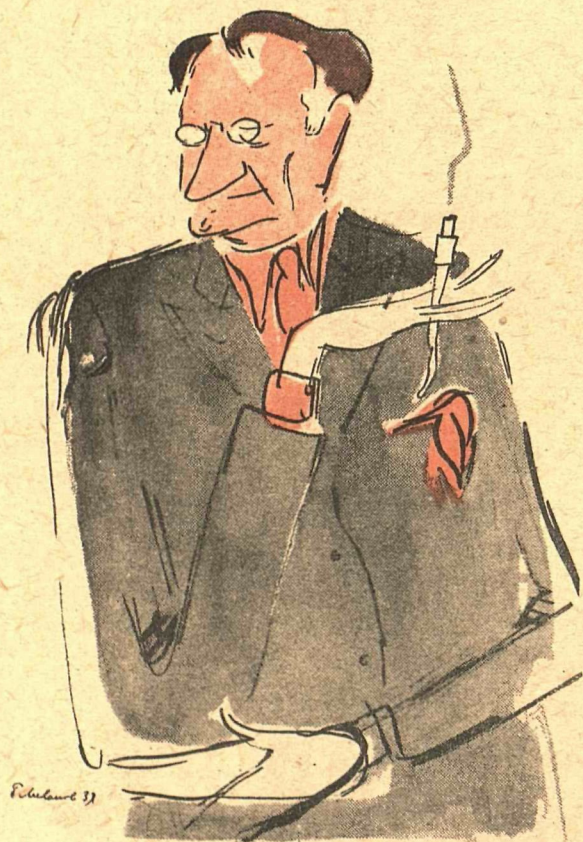
ПРИВЕТ КОЛЛЕКТИВУ МОСКОВСКОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА ХУДОЖЕС

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ СТАНИСЛАВСКИЙ.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ КАЧАЛОВ.

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ МОСКВИН.

Правительство Советского союза наградило Московский Художественный академический театр имени Горького и его актеров.

В самый разгар поисков формы для нашего крокодильского приветствия МХАТ в редакции узнали, что заслуженный артист РСФСР орденосец Борис Николаевич Ливанов, один из «стай славных» Художественного театра, рисует отличные шаржи на товарищей своих по МХАТ. Не скроем, редакция попросила у Б. Н. Ливанова его рисунки.

И вот мы имеем возможность отметить праздник Художественного театра рисунками, родившимися в самом театре.

Вот эти шаржи.

На первых двух рисунках, как и следовало, изображены ос-

нователи Московского ордена Ленина Художественного академического театра СССР имени М. Горького: народные артисты СССР, дважды орденосцы Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко.

Следующий, третий рисунок, само собой разумеется, изображает народного артиста СССР, дважды орденосца Василия Ивановича Качалова. В сущности, этими словами можно было бы ограничить подпись под шаржем на В. И. Качалова. Объяснить читателю, кто такой Василий Иванович Качалов, чем занимается этот товарищ и где работает, — не приходится. Также не приходится уговаривать кого бы то ни было относиться к В. И. Качалову с симпатией и уважением. Так что переходим к следующему рисунку.

ТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА СССР ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО

ЛЕОНИД МИРОНОВИЧ ЛЕОНИДОВ.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ТАРХАНОВ.

АЛЛА КОНСТАНТИНОВНА ТАРАСОВА.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ХМЕЛЕВ.

Народный артист СССР, тоже дважды орденосец, Иван Михайлович Москвин. Дальнейшие объяснения излишни, как в предыдущем случае. Личную анкету за И. М. Москвина мог бы заполнить любой из зрителей нашей страны.

Пятый рисунок—народный артист СССР, орденосец Леонид Миронович Леонидов. Относительно этого артиста смотри подписи к рисункам третьему и четвертому. Ну, да читатель сам знает, кто такой, чем занимается, что играет в театре и кино.

Шестой рисунок—народный артист СССР, орденосец Михаил Михайлович Тарханов. Смотри подписи к рисункам третьему, четвертому, пятому. Можно и не смотреть, поскольку и тут все ясно.

Седьмой и восьмой рисунки изображают артистов второго

поколения МХАТ, орденосцев, удостоенных звания народных артистов СССР наряду со старшими их товарищами (см. рисунки 1—6). Алла Константиновна Тарасова изображена в гриме Анны Карениной. Николай Павлович Хмелев—в гриме Алексея Александровича Каренина (в инсценировке романа Толстого). Спектакль «Анна Каренина» в настоящее время, как известно, является острodefицитным. Получить билет на этот спектакль, по отзывам отдельных сотрудников редакции,—дело сложное. Еще накануне станешь в очередь, а...

Впрочем, это уже непосредственно к подписям под рисунками не относится. Разрешите окончить.

Крокодил приветствует орденосеца Художественный театр и его мастеров и поздравляет с высокой наградой. Все.

БОЛЬШЕ МАРМЕЛАДУ

Я обязан с открытой душой признать свою ошибку. Должность, как вам известно, у меня маленькая, но ошибка получилась большая.

Наднях Иван Федорович говорит мне как управделу:

— Синичкин! Сегодня на кондитерской фабрике моего имени партийное собрание.

— Совершенно верно, Иван Федорович.

— Хочу туда поехать и выступить с речью. Там кто секретарь парткома — Васюков?

— Извините, Иван Федорович. Конечно, при вашей загруженности всего не упомнишь, но Васюков уж второй год не работает на кондитерской. Там теперь Безменов.

— Безменов? Знаю, конечно. Это с такой лохматой шевелюрой. Я ему не раз говорил, что надо постричься.

— Извините, Иван Федорович. Конечно, всего не упомнишь, но Безменов — он всегда лысый.

— Лысый? Ну это — его личное дело. Где будет собрание?

— В клубе имени Первого мая.

— Так вот что, Синичкин. Приготовь мне коротенькую справочку об ихних показателях. Особо выдели недочеты.

Приготовил я Ивану Федоровичу справочку. Все в точности и акуратности. Указал все недочеты и отметил все неувязки. Подчеркнул невыполнение по карамели. Увеличение брака по кексам. Отсутствие борьбы за мармелад. И недопонимание роли печенья «пети-фур» в новом быту.

Иван Федорович с моей записочкой и поехал в клуб Первого мая на собрание. А там уже прения в полном разгаре.

Конечно, Ивану Федоровичу сразу предоставили слово. И, конечно, Иван Федорович в своем слове поднял критику на недосыгаемую высоту.

— Товарищи! — сказал Иван Федорович. — Так дальше работать нельзя. Надо, товарищи, перестраиваться. Надо всем нам работать по-новому. Надо знать людей и руководить не вообще, а конкретно. Товарищ Безменов — неплохой работник (*голос из зала: «Кто?»* Председатель звонит), но он до сих пор плохо знает свое производство. (*Голос: «Причем тут Безменов?»* Председатель звонит). Не шумите, товарищи. Нечего обижаться за самокритику. И меня критикуют, и правильно критикуют, так разрешите и вас покритиковать. Мы в райкоме и, в частности, я лично следим за вашей фабрикой, за ее работой. Мы хорошо знаем, что у вас делается (*заглядывает в бумажку*). Что же мы видим на сегодняшний день? Вопиющий прорыв по карамели. (*В зале движение*). Да, товарищи, с этим безобразием надо покончить. Разве мы можем мириться с невыполнением плана на... (*заглядывает в бумажку*) на 4,2 процента? Иду дальше. Страна ждет от вас кекса высокого качества. (*Голоса: «Чего?»*) Повторяю, высокого качества. По кексам мы будем судить о вашей работе! (*Голоса: «По каким кексам?»* В президиуме волнение. Председатель звонит). По каким кексам, спрашиваете? Я так думаю, что по всем. Да, товарищи, по всем! Мы не делаем разницы между одним кексом и другим. И вообще, товарищи, не надо такими нездоровыми репликами реагировать на здоровую критику. Кто со мной несогласен, пусть возьмет слово и докажет. А теперь не мешайте мне говорить: я спешу отсюда на совещание, и время у меня ограниченное. Так вот, товарищи... Мы никак не можем пройти мимо такого явления, как отсутствие в вашем в общем здоровом коллективе настоящей борьбы за... (*заглядывает в бумажку*) за мармелад. С каких это пор, скажите, мы сняли с себя заботу о мармеладе?..

Иван Федорович говорил еще минут двадцать. Он очень убедительно коснулся «пети-фур», мимоходом остановился на тянучках и закрутился на яблочной пастиле.

Словом, как видите, моя справочка ему весьма и очень пригодилась.

Кончил он свою речь и собирается уйти: у него в этот вечер срочное совещание. Перед уходом он по-товарищески обращается к секретарю парткома:

— Ты на меня, Безменов, не обижайся...

— Я не обижаюсь, Иван Федорович. Не такой я человек. Но только...

— Что «но только»?

— Но только я не Безменов, а Шапиро.

— Шапиро? Да, да. Так и есть, Шапиро. Спутал. За день, знаешь, голова набухает... Так вот, Шапиро, на мармелад надо налечь.

— Налечь можно, Иван Федорович. А только...

— Что опять?

— Какой у нас мармелад, когда мы шпагатная фабрика?.. Получилась, как видите, досадная опечатка. Теперь все винят в этом Ивана Федоровича. Даже в газетах пропечатали. А причем тут Иван Федорович? Моя ошибка! Я напутал! Собрание кондитерской фабрики было в железнодорожном клубе, а я ему сказал, что в клубе Первого мая.

Г. РЫКЛИН

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО

Дети протянули напуганному отцу открытку, на одной стороне которой было написано: «Москва, Центросоюзная, д. 14, кв. 12. Казаковым Мане и Ире. Адрес отправителя: Б. Почтовая ул., д. 40, детская библиотека им. Усневича», а на другой стороне значилось такое:

«ПОВЕСТКА

Библиотека имени Усневича

предлагает вам немедленно возвратить книги Смирнова «Как Мишка большим медведем стал» и Гершензона «На солнышке», взятую вами по абонементу № . . . . Срок окончился 12/4—37 г. Если книга не будет возвращена вами в трехдневный срок, то библиотека вынуждена будет привлечь вас к ответственности по 185 ст. Уголовного Кодекса.

Библиотекарь (подпись неразборчива).

Нам неизвестно, снято ли обвинение с обеих девочек или они уже имеют судимость и приводы. Также неизвестна нам фамилия библиотекаря, подписавшего эту грозную повестку, по причине его неразборчивой, повторяем, подписи. Но нам точно известна характеристика этого библиотекаря. Он — как бы это выразиться? — ну, он тово... он не очень умный, он скорее даже — как бы это сказать?.. — Ну, глупый этот библиотекарь! Вот он какой.

ЧЕРНИЛЬНЫЕ ДУШИ

Вся страна знает о разбойничьем потоплении испанскими фашистами советского теплохода «Комсомол» и о пленении его героической команды.

Все об этом знают, кроме некоторых работников Черноморского пароходства, того самого, к которому приписан славный теплоход. Так например начальник военно-учетного пункта пароходства Соборин недавно отправил извещение, адресованное помощнику капитана «Комсомола» Эммануилу Иосифовичу Соловьеву.

«Вы обязаны явиться, — пишет бойкий начальник, которому Черное море по колено, — в 10 часов 5 апреля 1937 года в военно-учетный пункт управления черноморского пароходства, имея при себе настоящее извещение и учетно-воинский документ. За неявку в срок будете привлечены к ответственности согласно закону».

Последняя фраза — о привлечении к ответственности — звучит грозно. Мы предлагаем адресовать ее чернильным душам из военно-учетного стола, которые, не находясь в младенческом возрасте, вполне ответственны за свои поступки. А раз ответственны — пусть отвечают.

ПРОПАЛ СУДЬЯ

Еще старик Гоголь писал о пропавших грамотах. Прав классик: бумагу, действительно, чего доброго съест свинья. потеряет рассеянный делопроизводитель, пустит на закурку сторож. Но как может пропасть судья?

Однако сие, увы, не подлежит сомнению.

Факт — пропадать начали судьи, исчезать в пучине неизвестности...

Главный суд Калмыцкой республики недавно оповестил сталинградское областное отделение Союзбумсбыта:

«На ваш запрос сообщаем, что по нарсуду Лаганского улуса нарсудья отсутствует в течение 4 месяцев, поэтому ваше исковое заявление не может быть рассмотрено в скором времени впредь до поступления нового судьи.

Отв. секретарь Верхсуда Пузаков».

Желая помочь бедняге Пузакову, печатаем следующее об'явление: «Проп. нарсудья Лаганского улуса. Нашедш. просьба выслать в распоряжение главсуда Калмыцкой республики. Вознагражд. обесп.».

Откликнитесь, граждане!

РАСПЛАТА ЗА ГВАДАЛАХАРУ

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов - 37.

Вынужденное пожертвование

(11)

О ПОДЛЕЖАЩИХ

В Перми, в вечерней школе для взрослых, происходят занятия по русскому языку.

Преподаватель. Товарищ Пантелеев! Напишите предложение с одним подлежащим и двумя сказуемыми... Написали? Прочтите.

Пантелеев. «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда, хлопотливо не свивает долговечного гнезда».

Преподаватель. Укажите подлежащее.

Пантелеев. Птичка.

Березкин. По-моему, это не соответствует действительности. Такая птичка божия — не подлежащее, а паразит.

Сысоева. Березкин прав. Есть еще такие птички, которые только и норовят захватить чужое гнездо.

Курейко. Далеко за примерами не надо ходить. Вот у нас в Перми...

Преподаватель. Товарищи, мы отвлеклись в сторону. Не забудьте, что у нас теперь урок грамматики. Итак, внимание! Продолжаем. Куприянов! Напишите и вы предложение с одним подлежащим и двумя сказуемыми.

Куприянов. Написал: «Пермский межрайонцеторг купил дом по Трудовой улице, № 92, и произвел капитальный ремонт двух квартир». Кто купил дом? Межрайонцеторг. Что сделал Межрайонцеторг? Купил и отремонтировал.

Преподаватель. Правильно. Теперь напишите предложение, в котором было бы местоимение в родительном падеже.

Куприянов. Есть: «Райпищеторг купил дом для своих сотрудников». «Своих» — местоимение, а «чужих» — уже прилагательное.

Березкин. За такое прилагательное спасибо! Построил для себя, а отдал другому.

Преподаватель. Давайте не отвлекаться. Продолжаем, товарищ Куприянов. Составьте предложение с двумя подлежащими и двумя сказуемыми.

Куприянов. Могу: «Работники Кагановического райкома города Перми Волков и Павликов ночью взломали замки и самовольно в'ехали в указанный дом». Кто взломал замки и в'ехал самовольно? Волков и Павликов...

Преподаватель. Правильно.

Ступнев. И совсем неправильно. Нарушение советских законов, а вы говорите: «Правильно»!

Преподаватель. Давайте не отвлекаться. У нас теперь урок грамматики. Итак, кто такие Волков и Павликов? Они подлежащие.

Сысоева. Совершенно верно. Другого для них слова и не нахожу. Именно подлежащие суду по всей строгости законов.

Преподаватель. Калашникова! Перед какими предложениями ставится запятая?

Калашникова. Перед «а» и «но».

Преподаватель. Правильно. Напишите предложение с предлогом «а».

Калашникова. Готово: «Перед советским законом все равны, а все же некоторые думают, что для них закон не писан».

Преподаватель. Теперь вы, Березкин, напишите предложение.

Березкин. Есть. Мое предложение такое: «Судить Волкова и Павликова показательным судом». И точка, без всякой запятой. А что касается предлога, то предлог для суда имеется.

Преподаватель. Не будем отвлекаться. У нас теперь урок грамматики. Петров, напишите предложение с предлогом «но» в середине.

Петров. Сейчас: «Райпищеторг подал на Волкова и Павликова в милицию, но 2-е отделение милиции города Перми

не желает ссориться с ответственными работниками». Вот тут-то и запятая.

Преподаватель. Тов. Сысоева, дайте еще одно предложение с предлогом «но» в середине.

Сысоева. «Райпищеторг подал в городской суд, но судья положил дело под сукно». Вот вам опять запятая.

Преподаватель. Березкин, где ставится вопросительный знак, знаете?

Березкин. Знаю. Например: «Известны ли все эти безобразия секретарю Кагановического райкома, а если известны, то что он думает предпринять?»

Преподаватель. Не будем отвлекаться. У нас ведь теперь урок грамматики...

Г. ЕФИМОВ

ДНЕВНИК КРОКОДИЛА

«...Пусть, как сказал великий гений,
Он мне послужит на предмет
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет».

1
Когда кого-нибудь сплеча
Крылом холодным смерть затронет,
Все близкие его выносят и
хоронят,
Не разделяясь, сообща.
Но был я радостно взволнован,
увидав
В одном собрании работу в новом
стиле:
Там резолюцию-пустышку вынес
зав,
А активисты вмиг ее похоронили.
Ах, граждане! Как иногда
Полезно разделение труда!

2
Министр, мятежникам сочувствуя
душой,
Но строя невмешательскую мину,
Кричал: «Идти в Бильбао—риск
большой!
Залив опасен! Всюду мины!»
Но чудеса: рискнули корабли,
Мин не нашли и плавно в порт
пришли!
По-моему, мораль проста на диво.
Чтобы понять ее, кончать не надо вуз:
Публично «заливать» по поводу
залива
Нехорошо: получится конфуз.

3
Зоолог раз в саду, наткнувшись
на жучка,
Вскричал: «Как жирен он! Как
лапа широка,
Как много гадит! Как он жадно
жрет!
Встречаю в первый раз подобный
вид и род!
Не подберу ему ни класса, ни
отряда!»
.....
Видать, ученый сей был с жизнью
незнаком,
Иначе понял бы, что встретился
с «жучком»
Из Мосэстрады!

4
Сидит на берегу суб'ект и рассуждает:
«Кто, собственно, в кого впадает?
Москва ли в Волгу, Волга ли
в Москву?»
И, не решив, впадает сам... в тоску.
И зря. Недоуменный сей особе
Ответ самой эпохой дан:
И Волга и Москва впадают обе
В великий генеральный план.

НИКОЛАЙ АДУЕВ

Рис. Ю. Ганфа

- Так эту учительницу выгнали из школы за проституцию?
- Не совсем: сначала ее выгнали из школы, а потом ей пришлось стать проституткой.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Разрешите, пожалуйста, наш спор. Правление Самаркандского горжилсоюза не так давно, подводя итоги своей деятельности за 1936 год, пришло к выводу, что успешному выполнению плана по восстановлению и сохранению жилого фонда содействовало правильное и повседневное руководство работой периферии со стороны председателя президиума Узбекжилсоюза тов. Гайбужановой. Движимые горячим чувством благодарности и сыновнего умиления, правление и ревизионная комиссия Самарканд-

ского горжилсоюза премировала тов. Гайбужанову путевкой на курорт стоимостью в 700 рублей, как отмечено в протоколе, «для восстановления ее расшатанного здоровья». Но так как деньги на путевку никакими сметами и фондами не предусмотрены, решено было принять меры к «возмещению этих средств всеми жактами и РЖСКТ гор. Самарканда».

Вот мы и спорим, как следует расценивать это поистине соломоново решение Самаркандского горжилсоюза. Один из нас говорит, что это — запротоколированное

проявление открытого подхалимажа, другой называет его недомыслием чистой воды, а дворник нашего дома — угощением за чужой счет.

Председатель правления РЖСКТ «Тат-Башгородок» АЛТЫБАЕВ.

Секретарь ЗАМАЛОВ

Дорогой Крокодил!

Наркомпрос РСФСР обещал разослать подведомственным ему учебным заведениям конспект занятий по изучению Сталинской Конституции. Но вместо конспекта к нам в пе-

дагогический рабфак пришла из Наркомпроса довольно невразумительная телеграмма за подписью тов. Бем, рекомендующая придать занятиям «яркий, живой, наглядный, увлекательный характер».

Единственное ясное, но печальное место в телеграмме, — это указание на то, что «конспекты занятий по Конституции не утверждены наркомом просвещения и высылаться не будут».

Пораженные этим откровением, мы с своей стороны с прискорбием отмечаем, что работа Наркомпроса попрежнему являет собой яркий, живой, увлекательный, а главное — наглядный образец бюрократического руководства.

Е. ШОЙМЕР

Петрозаводск.

Дорогой Крокодил!

Прошу ответить мне на следующий волнующий меня вопрос: где приобретают театральные рецензенты перья такой необычайной легкости?

Мне кажется, что ни в одной области искусства, кроме театра, не наблюдается у критиков такого легкого скольжения их перьев по бумаге.

Можно ли представить себе такого рода критическое замечание: «Вышла книга стихов поэта Афанасьева. Если бы эти стихи написал Лермонтов, — они звучали бы гораздо лучше».

Не пишут у нас и таких рецензий: «Пейзаж художника Егорова страдает тем, что он не нарисован Левитаном».

Не бывает и таких критических отзывов: «В «Вечерней Москве» напечатана рецензия Якова Гринвальда. Жаль, что эту рецензию не написал Виссарион Белинский».

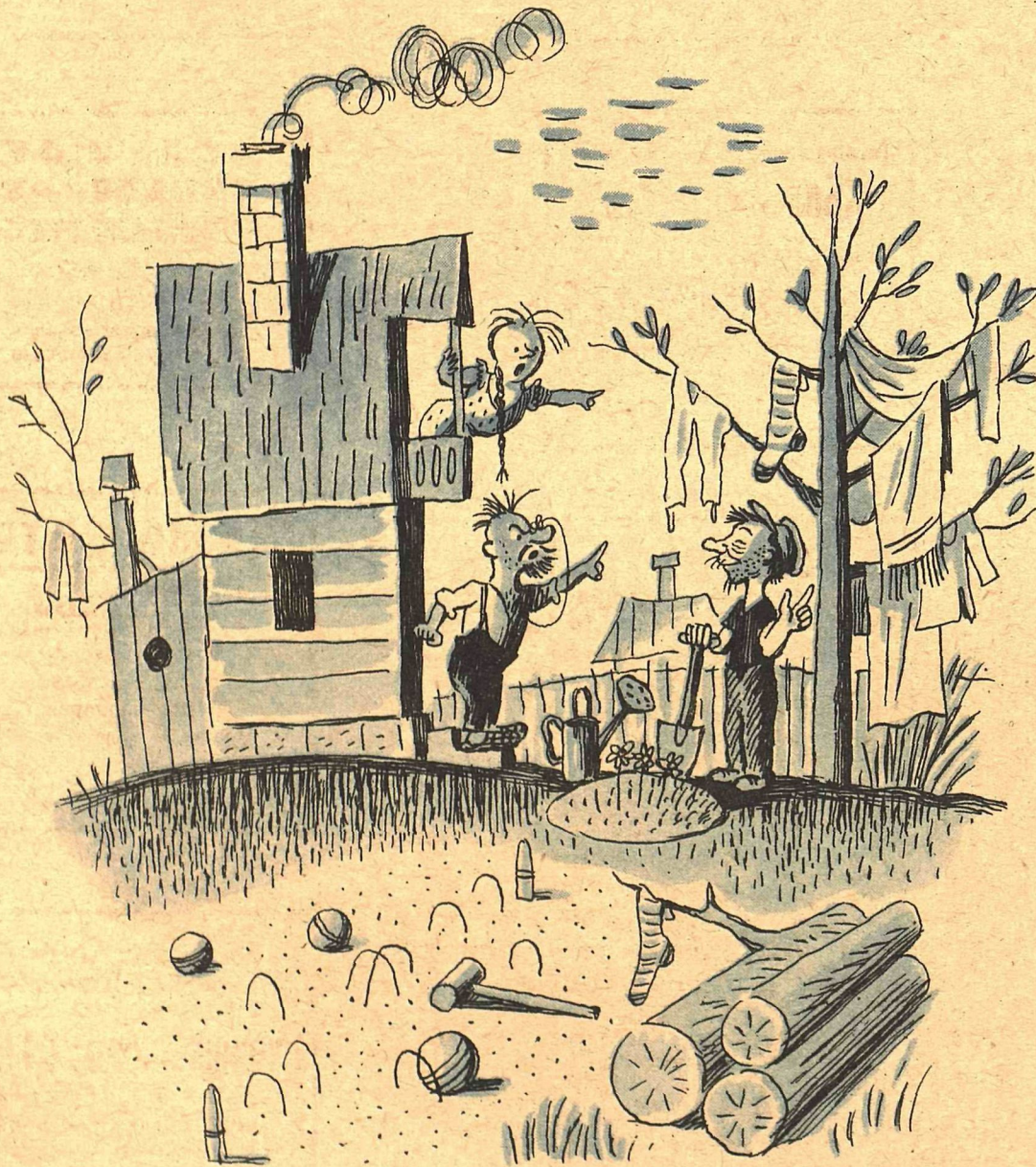
А вот сам Яков Гринвальд в «Вечерней Москве», оценивая спектакль «Гершеле Острополер» в Московском государственном еврейском театре, пишет: «Менее удовлетворяет артист Гертнер. Хотелось бы увидеть в этой роли В. Зускина».

Мало что кому хочется, товарищ Гринвальд! Нам бы, например, хотелось, чтобы у некоторых рецензентов было бы больше такта.

Г. РЫКЛИН

ЛОНО ПРИРОДЫ

Рис. Б. Малаховского

— Напрасно, граждане, обижаетесь на белье: я вам сдавал только дачу. А деревья сданы соседней прачечной.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

КИНОСТУДИИ
МОСФИЛЬМ

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ

НАЛАДИТЬ
СВОЮ РАБОТУ

ГДЕ ОТДОХНУТЬ?

ЛУЧШИЙ ОТДЫХ ОБЕСПЕЧЕН

в ЦК союза угольщиков
Донбасса

Спешите воспользоваться!

Срок курсовок и путевок —
до выборов нового ЦК.

ЛЕЧЕНИЕ ОТ ДЕФЕКТОВ РЕЧИ

не поможет председателям
плохо работавших горсоветов
во время их отчетов перед
избирателями.

ГРУЗИНСКИЙ ЧАЙ „ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ, С ЦВЕТКОМ“,

а также и любой другой чай
с удовольствием выпьют пас-
сажиры поезда № 73 Андиджан—
Москва.

Очень трудно пассажирам это-
го поезда свыше пяти суток
обходиться без чая.

СТАРЫЕ
ХРОНИКАЛЬНЫЕ
ФИЛЬМЫ

СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ

для
ДЕМОНСТРИРОВАНИЯ
НА ЭКРАНЕ.

С предложениями обращаться
к дирекции кинотеатра
„НОВОСТИ ДНЯ“.

РЫСИСТЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ

театральных критиков
Литовского и Млечина
на скорейшее восхвале-
ние заведомо плохих
пьес

ОТКЛАДЫВАЮТСЯ

ввиду неблагоприятной
погоды.

ХОРОШИЕ ЧУЛКИ

с благодарностью
приобрели бы все
наши читательни-
цы, если бы Нар-
комлегпром их
производил.

Пятьдесят билетов на спектакль

„Большой день“

МЕНЯЮ на два билета на

„Анну Каренину“.

Оплачу расходы. С предложе-
ниями звонить в любое время
суток по телефону 6-61-38.

ОТРЕЗ НА КОСТЮМ

из немнущейся материи,
державшей складку,

СРОЧНО КУПИТ Народный
комиссариат легкой промыш-
ленности СССР для изучения
возможности постановки про-
изводства такого материала
для широкого потребления.

Самая скучная
кинокомедия сезона

„ЧУДЕСНИЦА“

Сценарий и постановка
Медведкина

Не спешите видеть!
Масса отрицательных отзывов.

УТЕРЯН ШТАМП

для производства дра-
матических произведе-
ний по методу Киршон-
Афиногенова. Считать
недействительным.

Я БЫЛ ЛЫСЫМ!

И, к сожалению,
остаюсь им и
по сей день.

Подхалимский портрет работы
художника Перекошкина, на-
рисовавшего меня с пышной
шевелюрой, прошу считать
недействительным.

Зам. Пред. Горсовета
города Пролетные Горы
Н. Лысков.

БОЛЬШОЕ СКЛАДСКОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

АРЕНДУЕМ для складывания
киномакулатуры.

С предложениями обращаться
к дирекции Белгоскино.

ВКУСНО, СЫТНО И ДЕШЕВО

должны готовить
вагоны-рестораны
и железнодорож-
ные буфеты
в 1937 году.

МОСКОВСКОМУ
КАМЕРНОМУ
ТЕАТРУ

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ

твердое большевистское
художественное руковод-
ство. Там же требуются
роли для хороших актеров
и актрис.

8 ИЮН 1937

50

Рис. К. Ротова

МАТ. СРЕДСТВА
26 МАЯ
Вещ. №. 100

К. Р37

КОНТРОЛЕР:—Осторожней! Невмешательство — невмешательством, но зачем же давить своих?

Редактор—МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Редколлегия: Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журнал 1 р. 90 к. в месяц
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 419

Сдача текста и рисунков 5/V-37 г.

Подп. к печати 16/V-37 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 7800

Уполномоченный Главлита № Б—10772

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 996

Тираж 275 000

Handwritten mark or signature in the bottom left corner.